

рых районах в могилу клали еще и палочку для письма.

Далее устанавливали деревянное перекрытие, препятствующее попаданию земли в «лят», именуемое «тахта» или «ярма» (Судакский район). Затем присутствующие засыпали могилу, причем лопаты не передавали из рук в руки, а опускали на землю.

По окончании все садились и приступали к чтению суры «Йасын», далее читали «тебарике» и «хатим». Завершали молитву раздачей «садакья» — милостыни, тем, кто читал два, давали принесенные в табуте отрезки ткани.

В голове и ногах покойного устанавливали деревянные столбики «баш» — и «аякь тахта» разнообразной формы. На «баш тахта» писали с внутренней стороны или с внешней стороны имя покойного и его возраст. Они стояли до установления каменного памятника.

После ухода всех с кладбища возле могилы оставался мулла, который, стоя с правой стороны у изголовья, читал «телькьин дуа». На протяжении сорока дней мулла приходил на кладбище и читал ту же молитву.

По возвращению в дом покойного провожающие обязательно мыли руки, а войдя в комнату, читали «Иасын». Трапеза проходила на специальной простыне, которую использовали лишь в дни похорон. Из ритуальных блюд делали «акь алва» — халву и «кьатлама» — вид пресных лепешек.

Поминки («дуалар») устраивали на 3, 7, 37, 40, 52 дни, а также через 3, 6, 12 месяцев со дня кончины.

Опираясь на собранные сведения, мы мо-

жем выделить в погребальной церемонии две группы обрядов, определяемые как «шариат» и «адет» — обычай. Надо заметить, что при сопоставлении погребальные обряды некоторых других народов, исповедующих ислам (узбеки, дагестанские терекменцы и т. д.), обряды группы «шариат» во многом совпадают. Например, изготовление «кефын» — савана, вынос покойного, движение к кладбищу и т. д. Обряды же группы «адет» в большинстве своем аналогий не имеют: обкладка покойного в «табуте» цветами, положение тела в могиле и т. д.

На основании вышесказанного мы можем предположить, что часть обрядов группы «адет» связаны, вероятно, с доисламскими верованиями и являются наиболее древними.

Таким образом, цикл похоронных обрядов, отличающийся, как известно, большей консервативностью, помогает воссоздать некоторые архаические этапы развития древних религиозных представлений и верований крымских татар.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Р а д д е Г. Крымские татары // Вестник Русского Географического общества. — Ч. 18, № 6, 1856, Ч. 19, № 1, 1857.
2. К о н д р а к и В. Х. Обряды крымских татар. Погребение // Полицейский листок Керчь-Еникальского градоначальства. — 1865. — № 41.
3. А н д р и е в с к и й А. Крым и крымские татары. Чтение. Изд. 3-е (исправленное). — Киев, 1892.
4. Народы России. Живописный альбом. Выпуск III. — СПб., 1878. — с. 299—301.

С. Р. ИЗДИНОВА

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ КРЫМСКОТАТАРСКОГО ЯЗЫКА

Критическая ситуация с имеющим многовековую письменную традицию крымскотатарским языком является следствием геноцида и трагедии крымскотатарского народа. Драматизм положения заключается в том, что за годы депортации и «апартеида», наряду с проблемой выживания крымских татар как этноса, со всей остротой встала проблема исчезновения одного из тюркских языков мира. Об этом красноречиво свидетельствует тот факт, что подрастающее поколение плохо, а зачастую и вовсе не владеет родным языком и лишено возможности приобщения к многовековой духовной национальной культуре. До настоящего времени большая часть депортированного народа находится вне пределов Крымского полуострова. Только

возвращение на историческую Родину может быть основой для успешного возрождения языка, культуры и национальных традиций.

Согласно классификационным схемам, крымскотатарский язык, вместе с караимским, кумыкским, балкарским, карачаевским, входит в западно-кыпчакскую группу тюркских языков (1, 2). При этом следует особо подчеркнуть, что из данной группы крымскотатарский язык, обладающий общественными функциями (на нем говорят около полумиллиона человек), является, по вполне понятным причинам, слабо изученным. Указанное выше место крымскотатарского языка в классификационных схемах основывается исключительно на нормированном литературном языке довоенного и отчасти по-

слевоенного периодов. Формирование литературного языка в послеоктябрьский период шло в общем русле национально-культурной политики, которая в отношении тюркских языков страны носила однотипный и унифицированный характер. Проведенное в 30-е гг. по типу языковой реформы в Турции так называемое очищение крымскотатарского языка от арабо-иранских заимствований, которые в течение столетий стали неотъемлемым элементом даже разговорной лексики, привело к обеднению, потере некоторых специфических особенностей языка, резкому возрастанию удельного веса русских, интернациональных слов и искусственных терминов (3). Непоправимыми по последствиям были пресловутые «языковые реформы», связанные с переходом от арабского алфавита к латинице, а затем, спустя короткий период времени, — к кириллице. Переход к русскому алфавиту деформировал и нарушил адекватность орфографических норм фонетическому строю (4). Изданные же арабским алфавитом, главным образом благодаря титанической деятельности Исмаила мырзы Гаспралы, печатные издания, а также книги, вышедшие в Турции, Капшгаре, Казани, Баку, Гяндже, Самарканде, Ташкенте и др., не переводились. В результате полностью оборвалась естественная историческая культурно-духовная преемственность поколений. В силу этого вся работа в области языка свелась, по существу, к подготовке типологически однородных практически для всех тюркских языков учебников и пособий, а в области литературы — к созданию на базе деформированного литературного языка произведений, восхваляющих советский образ жизни.

Необходимо особо отметить, что проблемы языкового воспитания, обучения подрастающего поколения родному языку, подготовки высокопрофессиональных кадров в настоящее время являются чрезвычайно важными и без них немислимо возрождение языка и национальной культуры, и они могут быть решены только в рамках государственной программы. Очевидно, приступить к решению этих проблем можно лишь при условии возврата к латинскому алфавиту, обладающему большими возможностями выражения фонетического строя крымскотатарского языка. В качестве иллюстрации диспропорции в изученности тюркских языков западно-кыпчакской группы можно привести тот факт, что практически реликтовый караимский язык изучен, по сравнению с указанными выше языками, достаточно полно (5). И можно указать лишь на следующие немногочисленные работы, посвященные описанию крымскотатарского языка: работа Радлова (6), в которой иллюстрируются лексические и фонетические различия языка жителей степного и южного Крыма, да и то, как выяснилось, написанная на основе сведений караимов Петербурга грамма-

тика Самойловича (7), показывающая формальные различия в фонетике и морфологии языка Северного Крыма (кыпчакского) и Южного берега (огузского) с традиционными общетюркских позиций и ни в коей мере не отражающая многообразие специфических фонетико-морфологических особенностей языка в целом; краткая грамматика Чобан-заде (8), в которой дается описание состояния крымскотатарского языка, его история и отношение к другим тюркским языкам, исходя из уровня и традиций тюркологической науки 20-х гг.; работа Дерфера (9), представляющая собой не критическое собрание данных, многие из которых взяты из источников, не имеющих прямого отношения к языкознанию; краткий очерк Севортяна (10) по довоенному литературному языку; работа Мусая (2) по лексике западно-кыпчакских языков, в которой сделана попытка краткого описания крымскотатарского языка на основе традиционных положений об этногенезе и глоттогенезе, содержащихся в указанных выше работах.

Проведенные лингвистические исследования за последние полтора десятилетия даже на уровне докторских диссертаций (11), за некоторыми исключениями, не отражают типологическую неоднородность и специфику крымскотатарского языка, поскольку они проведены с определенной целевой установкой и с формальных позиций. Заслуживают внимания работы по основным компонентам лексики крымскотатарского языка, однако используемые традиционные и методически некорректные подходы при недостаточном исходном материале, без конкретного анализа всей совокупности специфических особенностей, обусловленных сложными этническими процессами на различных исторических этапах — все это создает впечатление того, что такие общие рассуждения могли быть с успехом отнесены к любому другому тюркскому языку.

Особняком стоят работы по общему описанию грамматики языка татар Добруджи — потомков крымских татар из Степного Крыма (12), а также ряд кратких работ турецких авторов по сравнительному анализу сохранившихся говоров потомков выходцев из Крыма, переселившихся в Турцию в период эмиграции.

Вследствие чрезвычайно слабой изученности крымскотатарский язык с его особенностями до настоящего времени не в должной мере привлекается в тюркологических исследованиях общего, сравнительно-исторического и ареального плана (14). А если к нему и обращаются, то весьма часты случаи разнобоя, особенно при сравнительных исследованиях тюркских языков в синхронном и диахронических аспектах. Более того, из-за этого снижается весомость и достоверность положений, а выводы и заключения, как правило, не только не отражают

реальной картины, но зачастую носят необоснованный и поверхностный характер.

Приведем некоторые примеры неточностей и необоснованных выводов. Так, в тюркологической литературе часто встречается упоминание о «степных» диалектах (2) крымскотатарского языка, хотя имеется только один такой диалект с входящими в него говорами. Отсутствие полного толкового и переводного словаря с учетом диалектов приводит исследователей к заключению об отсутствии той или иной лексемы, поскольку ее нет, да и не должно быть в школьном орфографическом словаре довоенного издания (15). В работе Прик (16) дается сопоставление так называемого крымского диалекта караимского языка с крымскотатарским, но приводимые параллели взяты почему-то исключительно из степного диалекта. Естественно, при таком подходе наблюдаются, как и должно, различия. Но следовало бы иметь в виду тот принципиальный момент, что так называемый крымский диалект караимского языка по фонетике, морфологии и лексике, за исключением, естественно, древнееврейских религиозных терминов и слов, — не что иное как средний диалект крымскотатарского языка с городскими говорами. В силу этого следует в тюркологической литературе учесть этот момент и в дальнейшем целесообразно не подчеркивать самостоятельность крымского диалекта караимского языка. Далее приводится высказывание Шашпала о том, что «старые военные термины, названия оружия и военных доспехов, употребляемые у караимов, представляют собой большой интерес для ориенталистов. Некоторые из этих архаических терминов совершенно не употреблялись, я подчеркиваю, позднейшими обитателями Крыма — татарами, были им неизвестны». Подавляющее большинство из приводимых «неупотребляемых» терминов отмечено не только в письменных памятниках, но и активно используются в диалектных языках крымских татар вплоть до настоящего времени даже на уровне разговорной лексики.

Из-за отсутствия в научном обороте данных и неизученности самостоятельного вопроса о греческих и итальянских заимствованиях в крымскотатарском языке возможен вывод о том, что «в отличие от караимского, в крымскотатарском языке не отмечено влияние греческого языка», и что «караимы жили в Крыму задолго до появления крымских татар» (2). Оставляя в стороне давнюю традицию русской ориенталистики по вопросу этногенеза крымских татар, укажем на тот факт, что только в среднем диалекте крымскотатарского языка имеется несколько сотен греческих заимствований, не говоря уже о южном диалекте, и это без учета огромного числа антропонимов и этнонимов. Следует особо подчеркнуть, что основы многих заимствованных греческих слов и

топонимов отсутствуют в новогреческом языке и имеются в архаическом языке — кафаревусе VI—X вв.

В разговорной лексике крымскотатарского языка имеется подавляющее большинство слов, которые отмечены в древних переводах Библии на караимский язык. При этом подчеркивается, что «в переводах сохранились древние тюркские слова, которые имеются в других тюркских языках, языках кыпчакской или западнокыпчакских языках» (17). В крымскотатарском языке большинство из них употреблялось не только в дооктябрьский период, но многие из них, включая и арабо-персидские заимствования, являются активными даже в современной разговорной лексике старшего поколения. В диссертации по «Кодексу Куманикус» и его отношению к современным западнокыпчакским языкам в силу неизученности диалектов крымскотатарского языка и отсутствия опубликованных материалов, ряд фонетических, морфологических и лексических изоглосс не содержит данных этих диалектов, что, естественно, не могло не привести к снижению изоглоссных явлений, совпадающих в крымскотатарском языке и «Кодексе Куманикус» (5). И это все при том, что «Кодекс Куманикус» составлен в Крыму для потребностей общения генуэзцев с его тюркским населением на базе смешанного среднего диалекта крымскотатарского языка.

С неточностями, а иногда и неправильными выводами, вследствие не введенного в научный оборот систематического материала по крымскотатарскому языку, сталкиваешься и при ознакомлении с результатами сравнительно-исторических исследований тюркских языков. С большим сожалением приходится констатировать, что в опубликованных за последнее время монографических работах по исследованию и анализу тюркоязычных памятников XIII—XVI вв., включая обнаруженные в Крыму, а также связанные с Крымом (18), а также в работах по сравнительно-исторической грамматике тюркских языков (14), крымскотатарский язык с его диалектными особенностями не нашел должного отражения. Этих примеров достаточно для иллюстрации той драматичной ситуации, в которой оказался крымскотатарский язык.

На основании изложенного очертим круг важных задач по проблеме изучения крымскотатарского языка в общей программе возрождения языка и национальной культуры.

1. Назрела необходимость монографического описания крымскотатарского языка на всех уровнях в объеме трех его диалектов — среднего, степного и южного, включая научную грамматику современного литературного языка с учетом особенностей языка довоенного периода и новых элементов, привнесенных в язык в процессе жизни на местах ссылки, главным образом в Узбекистане, где еще находится

подавляющая часть крымскотатарского народа. При этом необходимо принять во внимание определенное влияние узбекского языка, приведшего к опущению уменьшению русских заимствований, доля которых была относительно высокой в языке предвоенного периода, а также некоторое возрастание в литературном языке лексем и морфологических структур, характерных для степного диалекта. Очевидно, полное описание языка невозможно без серьезного сопоставления с литературным языком конца XIX — начала XX вв., в формирование которого основной вклад внес крымскотатарский просветитель и публицист Исмаил мырза Гаспралы.

2. Введение в научный оборот особенностей диалектов крымскотатарского языка (19). В этой связи следует особо подчеркнуть, что изучение диалектов из-за произошедшей сильной их нивелировки в результате смешения жителей различных регионов Крыма при депортации и вытекающих отсюда последствий, и действия сформированного в местах высылки нормированного литературного языка, прессы, отчасти радио, телевидения является очень актуальной и в то же время сложной задачей. Тем не менее и в настоящее время диалектные особенности проявляются в разговорной лексике все уменьшающегося старшего поколения (50—80 лет) из различных районов Крыма. Важность сбора сохранившихся остатков диалектных особенностей, наряду с уже проделанной автором работой, определяется тем, что именно диалекты сохраняют реликты прошлого, которые очень ценны для проблемы глоттогенеза. С сожалением приходится констатировать, что до настоящего времени неизвестна судьба материалов, собранных диалектно-этнографическими экспедициями во многих регионах Крыма в довоенный период. Возможно, они просто уничтожены. Ценный материал может дать сбор языковых данных среди потомков выходцев из Крыма, проживающих в Румынии, Турции, Болгарии. Думается, имеющийся материал, дополненный новыми данными, может быть положен в основу монографического описания фонетических, морфологических и лексических особенностей диалектов крымскотатарского языка в сравнении с языком татар Добруджи, ногайским, кумыкским, караимским, карачаево-балкарским, гагаузским, турецким, азербайджанским и туркменским языками. Благодаря древним и более поздним контактам, а также влиянию старого литературного языка, лексика диалектов является в той или иной степени смешанной. Вместе с тем, в каждом диалекте имеется лексический слой, характерный только для данного диалекта.

Большой самостоятельный интерес представляет проблема греческих и итальянских (генуэзских) заимствований в крымскотатарском языке, поскольку их изучение и анализ проливают свет на исторические и межэтнические

процессы. При этом, как отмечалось выше, многие заимствования связаны со старогреческим языком. И в наши дни в лексике южного и среднего диалектов крымскотатарского языка имеется большой пласт весьма активно употребляемых заимствований, число которых, включая антропонимы, составляет по имеющейся у нас картотеке более 500 лексем.

3. Необходимо комплексное изучение языка на базе детального анализа всего массива лингвистических источников в неразрывной связи с этническими, культурными, политическими и религиозными процессами в обозримые исторические периоды. Принципиальная важность такого подхода обусловлена дискуссиями по этногенезу крымских татар.

Решение указанной выше задачи невозможно без систематической и широкомасштабной работы по сбору и анализу источников, имеющих в крупнейших отечественных и зарубежных библиотеках, фондах, архивных и рукописных хранилищах, религиозных центрах в США, Англии, Германии, Турции, Египте, Сирии, Кашгаре, Москве, Санкт-Петербурге, Киеве, Казани, Ташкенте. В историческом аспекте ценны сведения византийских источников (X—XIII вв.) по этнической и социально-политической ситуации в регионах Северного Причерноморья, Северного Кавказа, Крыму, материалы о взаимоотношениях Крыма с мамлюкским Египтом, а также лингвистическая литература, созданная в этот период (18). Наряду с неизученными с языковой стороны ярлыками крымских ханов, весьма важна работа по поиску и лингвистическому анализу документов и материалов дипломатической и иной переписки в период Крымского ханства с султанской Турцией, русскими великими и удельными князьями, королями, гетманами и князьями Польши, Литвы, Венгрии, Украины, трансильванскими и молдавскими господами, ханами, беками и мурзами Северного Кавказа и др.

4. Нового осмысления в диахроническом аспекте требуют некоторые очень интенсивно изучавшиеся источники, в частности «Кодекс Куманикус», поскольку целевая направленность исследований и конечные результаты зачастую диктовались не научными соображениями. Заслуживают особого внимания «Материалы для истории Крымского ханства» — извлечения из дипломатической переписки крымских ханов из архива Министерства иностранных дел Российской Империи (20).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Б а с к а к о в Н. А. Тюркские языки. — М.: Издательство восточной литературы, 1960.
2. М у с а е в К. М. Лексика тюркских языков в сравнительном освещении. — М.: Наука, 1975.

3. Орфографический словарь крымскотатарского языка (для средней школы). — Симферополь: Крымгосиздат, 1936.
4. Материалы II-ой Всекрымской научной конференции по крымскотатарскому языку: Тезисы докладов. — Симферополь: Крымгосиздат, 1929.
- Материалы III-ей Всекрымской научной конференции по крымскотатарскому языку. Тезисы докладов. — Симферополь: Крымгосиздат, 1934.
5. М у с а е в К. М. Грамматика караимского языка. Фонетика и морфология. — М.: Наука, 1964.
6. Р а д л о в В. В. Образцы народной литературы тюркских племен. — Т. X, Ч. VII. — СПб., 1826.
7. С а м о й л о в и ч А. Н. Опыт краткой крымскотатарской грамматики. — Пг.: ТГЗУ отделение народного образования, 1916.
8. Ч о б а н — З а д е Б. Кърым татар ильмий сарфи Акмесджид: — Кърым девлет нешрияты, 1925.
9. D e r f m e r G. Das Krimosmanische. S. 272—280. Das Krimtatarische. S. 369—390 // Philologische Juricae Fundamenta, v. 1. Wiesbaden, 1959.
10. С е в о р т я н Э. В. Крымскотатарский язык // Языки народов СССР, Т. II. Тюркские языки. М.: Наука, 1966.
11. М е м е т о в А. Источники формирования лексики крымскотатарского языка. — Ташкент: Фан, 1988.
12. B n v e r M a m u t. Curs general de limba tatară. Fonetica și fonologie, morfologie. — București, 1975, 241 p.
13. С е р е б р е н н и к о в Б. А., Г а д ж и е в а Н. З. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. — Баку: Маариф, 1979.
14. Г а д ж и е в а Н. З. Проблема тюркской ареальной лингвистики. — М.: Наука, 1975.
15. Ч е ч е н о в А. А. Язык Codex Sumanicus и его отношение к современным западно-кавказским языкам. Автореферат дис. на соиск. уч. ст. канд. филол. наук (10. 02. 06). — М.: ИЯ АН СССР, 1979.
16. П р и к О. Я. Очерк грамматики караимского языка (крымский диалект). — Махачкала: Дагучпедгиз, 1976.
17. Г о р д л е в с к и й В. А. Лексика караимского перевода Библии // Докл. АН СССР В, 1928, № 5, Т. II.
18. Н а д ж и п Э. Н. Тюркоязычный памятник XIV в. «Гулистан» Сейфа Сараи и его язык. Ч. I. — Алма-Ата: Наука Каз. ССР, 1975.
19. И з и д и н о в а С. Р. Фонетические и морфологические особенности крымскотатарского языка в ареальном освещении. Автореферат дис. на соиск. уч. ст. канд. филол. наук (10. 02. 06) — М.: ИЯ АН СССР.
20. В е л ь я м и н о в — З е р н о в В. Материалы для истории Крымского ханства. — СПб., 1864.